

Книга Михаила Горбачёва “Перестройка и новое мышление” вышла тридцать лет назад, в 1988 году. Она мыслилась идеологической базой реформ, её катехизисом. До гибели страны оставалось совсем ничего.

Несколько лет – и камня на камне не осталось ни от коммунистического лагеря, ни от Варшавского договора, ни от социалистического блока, ни от Советского Союза.

В 1987 году страна отмечала 70-летие революции. Казалось, что эта дата – свидетельство прочности и залог продолжения долгого счёта лет. Оказалось, что лет наперечёт осталось. С другой стороны, страна готовилась к празднованию тысячелетия Крещения Руси, что выводило на совершенно иной временной порядок, нежели десятилетия. Давало надежду на устойчивость и основательность исторической линии государства.

Скоротечный распад, обвал. Сейчас часто говорят: самоубийство. Три-четыре года – много это или мало для событий колоссального значения и важности, для полного переформатирования реальности? Великая война ведь тоже длилась четыре года, но здесь не устояли.

Горбачёв говорил, что времени терять нельзя, надо действовать. “Ускорение” – помните такое слово, одно из тех, которые тогда формировали повестку дня? Есть ощущение, что перестройка – это своеобразная игра в русскую рулетку. Пути назад нет, переиграть ничего невозможно, и да будь, что будет: либо пан, либо пропал. Сделав шаг, становишься заложником инерционного движения, и этот поезд оказывается в огне. “Перемены начались, и повернуть общество вспять уже невозможно”, – пишет Горбачёв. Все девяностые боялись этого поворота вспять, пугали им, особенно на позорных выборах в 1996 году, под этот шумок состоялось небывалое по размерам мародёрство. Сейчас про *вспять* не говорят, сейчас, в лучшем случае, – ностальгия.

Всё-таки, кто он такой, последний генсек, написавший эту книгу?

Утопист, попытавшийся реализовать свою утопию, свои идеалистические взгляды в реальности, которая сложнее любой схемы и теории? Он обращается к гражданам всего мира, пишет о судьбах планеты, говорит о вере в здравый смысл и общечеловеческие ценности, а также про ненасильственный мир. Его посыл – ко всему человечеству, перед которым, по его словам, стоят небывалые задачи. Решить их можно только совместно, иначе само будущее под вопросом. Хотя, кто знает, может быть, обращение к общечеловечеству связано и с тем, что сама книга появилась в силу просьб американских издателей, отсюда и заокеанский “партнёр” был возведён в разряд “человечества”.

По мысли советского генсека, человечество, вступив в ядерный век, само себя изгнало из рая, то есть “лишилось бессмертия”. Одна стратегическая атомная субмарина по убийственному потенциалу равна “нескольким вторым мировым войнам”. Человечество может уничтожить себя многократно — не это ли лучший аргумент для преодоления “старого мышления”, питающего милитаризм, и для отказа от политики с имперскими амбициями. Горбачёв прекраснодушно полагает, что знание о страшной опасности, изменение представлений о мире и войне, которая есть абсолютный финал человечества, должно сблизить народы и страны, заставить их сотрудничать и развивать философию мира. Поэтому и про угрозу абсолютного финала человечества он пишет многократно в своей книге.

Кстати, о реализме, об ориентации на реальность Горбачёв говорит постоянно, настаивает, что на них должна строиться политика и главная из реальностей — “сосредоточение колоссального военного” потенциала. Причём он совершенно не обратил внимания, что весь его реализм держится на этом колоссальном и убийственном арсенале. Будет он меньше, в других пропорциях, и реальность станет совершенно иной, и отношения в ней будут строиться уже по другим принципам. Одно дело, когда стволы пистолетов направлены в лоб друг другу, а если один устал держать и рука его опустилась?..

Вроде всё просто: заявить о новом мышлении, провозгласить “миру—мир” и пожать руки всем недавним врагам. Но, как оказалось, человек—то особенно не меняется. Его можно напугать ядерной зимой, но, испугавшись, он будет думать, как выжить в этих условиях и приспособить для жизни новые реалии. Поэтому в качестве альтернативы горбачёвским прекрасноразумным рассуждениям возникает старая, как мир, максима: хочешь мира, готовься к войне. Горбачёв же настаивает, что все люди на Земле — пассажиры одного корабля. В чём—то его рассуждения близки “розовым христианам”, пытавшимся установить Царствие Божие на земле. Подобный проект, как правило, превращается в рассыпающуюся Вавилонскую башню, дающую толчок для смешения языков и рассеивания народов. Так и произошло с Союзом за считанные годы.

Всё—таки коммунисту сложно не быть утопистом. В какой—то мере новое горбачёвское мышление — это коммунизм в планетарных масштабах, форма миссионерства для тех стран, которые уже не переделать. Горбачёв надеялся, что угроза последней войны сделает всех людей братьями, хоть и братьями разными, что уж тут... “Консенсус” — это также слово из того времени.

В то время последний генсек искренне полагал, что страх и реалии всеобщего финала истории могут стать надёжным основанием для того, чтобы замирились и задружиться навечно с главным конкурентом Союза — США. Уже во вводной главе он пишет, что хоть нам и не нравятся многие аспекты американской жизни, но мы признаём право народа этой страны самому решать, как ему жить. Он подчёркивает, что “у нас нет никаких недобрых намерений в отношении американского народа”. Предлагает сотрудничество “на основе равенства, взаимопонимания, взаимодействия”. Но вот финальная фраза из обращения “К читателю” убивает всё: “Мы далеки от того, чтобы только свой подход считать истинным. У нас нет универсальных рецептов”. Получается, что он предлагает искать совместно ответы в безвестности, то есть предлагает и Штатам сыграть в “русскую рулетку” и пойти туда, не зная куда. Тогда какое равенство возможно с партнёром, который не уверен в себе и в своём пути, сам—то двигается наобум?..

Поэтому Штаты и смотрели, подзуживая и аплодируя, как Советский Союз подносит пистолет к своему виску, нажимает на курок. С ним в эти игры нового мышления и общечеловечества никто не собирався играть. Идти за утопистами — дураков нет. Даже если предположить, что Горбачёв — пророк нового и прекрасного мира, то пока этот расчудесный мир не наступит, его пророк будет лузером и неудачником, это всем понятно.

Генсеку было мало изменить общество, экономику, он заявляет о переплавке человека в “котле” перестройки. Он мыслил о создании нового типа человека — перестроенного. Ведь “перестройка как—то задевает каждого, выводит из привычного для многих состояния покоя, удовлетворенности сложившимся образом жизни”.

Повышение планки социальной ответственности, “подымать человека духовно”, “человек силён убеждениями и знаниями” — в разговоре о человеческой переплавке также много утопической лозунговости, но на то это и манифест.

к чему привела переплавка, и в каком котле переплавлялся — теперь, по прошествии времени мы имеем представление, памятуя о девяностых.

Вообще Горбачёв рассуждает в логике перестроечного революционного бега, суетливости. По его мнению, СССР за 70 лет прошёл путь длиной в века, и этот ритм, видимо, должен сохраниться. При этом он не обратил внимания на консервативную составляющую русской жизни, которая была полностью отрицательной и даже объявлена враждебной духу перестройки. “Консерватизм уступать не хочет”, — пишет Горбачёв. У него это слово имеет отрицательную коннотацию, как у нас сейчас революция. Это главный антипод перестройки. Но дело всё в том, что в России консервативное и революционное должно быть уравновешено, и пренебрежение одним из них чревато гигантскими потрясениями.

Горбачёв пишет, что “необходимо преодолеть консерватизм в самих себе”, а это свято место надобно занять демократией. Неод ли говорить, что демократия легко может перерасти и вырождаться с банальную свару и крикливый хаос, месиво из бесконечных, но не имеющих никакой ценности точек зрения, так как самой системы ценности нет. Вместо неё — примат тотального плюрализма.

“Побольше света гласности!” — пишет Горбачёв. Гласность — топливо демократии. Особые реверансы отшивает СМИ, которые в те годы в полной мере подхватили лозунг о гласности.

К этой гласности он призывает и во внешней политике. С наивной уверенностью он утверждает, что “никто никого сейчас обмануть не может”, поэтому и агитирует за открытую политику, без двойного дна, “тактических хитросплетений и словесных увёрток”. Реальность серьёзно откорректировала эти его установки, а иллюзорные мечты об открытой политике так и остались мечтами, причём, как оказалось, если уверовать в них, то мечты становятся крайне вредными. А Горбачёв, судя по всему, очень сильно сжился со своим архитектурным проектом нового мышления.

Эта оторванная от реальности, мягко говоря, наивность проявляется во всём, выявляет ужасающую близорукость. Так, даже с некоторым высокомерием он говорит о перспективах “немецкого единства”, что это не “реальполитик”, пустые иллюзии. Разве что в отдалённой перспективе, лет так через сто может что-то измениться. Но эти “сто лет” истекли уже 1990 году, а до этого было и разрушение Берлинской стены, и совершенно невыгодные для Союза договорённости, предшествовавшие объединению.

Или взять горбачёвские многостраничные напутствия социалистическому блоку. “Революционные перемены входят в большой международный социалистический дом”, — пишет автор “Перестройки”. Весь этот дом вскоре прекратил существование, теперь же страны, наполнявшие его, в ЕС и НАТО. Утопист перестаёт видеть реальность, воспринимать происходящие в ней процессы, он становится рабом своей картины мира, своих воздушных замков.

Горбачёв в книге-манифесте представляет себя в качестве революционного лидера. Он не просто утопист, он революционер-утопист. Основной его тезис: перестройка — это революция.

Причём революция не стихийная, а совершенно естественная, ведь “энергия революционных перемен” в стране копилась уже давно. Это “назревшая необходимость”.

“Потенциал перемен назревал не только в материальной сфере жизни, но и в общественном сознании”, — автор перестройки практически повторяет посыл всем памятной цоевской строчки про перемены, которых требуют сердца. Возможно, именно поэтому так востребована тогда была эта песня, которая во многом отформатировала наше восприятие Виктора Цоя. Хоть и пел он в ней совершенно о другом, но так получилось, что “перемены” — одно из ключевых слов и понятий в идеологической горбачёвской конструкции. Сейчас песню Цоя мы принимаем за очевидный протест, так уж сложилась практика её восприятия, но в контексте своего времени она могла мыслиться очень даже конъюнктурной. Хотя, ещё раз отметим, лидер группы “Кино” пел о другом.

Свою перестройку Горбачёв противопоставляет застойным явлениям, “механизму торможения”, который, как он пишет, набрал силу в обществе. Все эти явления он объявляет причинами упадка и экономической стагнации, к которой приблизилась страна.

Гонка вооружений сменилась на перестроечную гонку. Ускорение, ломка — слова, вошедшие в обиход и часто используемые в горбачёвской книге.

Мало того, автор-реформатор пишет, что его перестройка означает “крутую ломку”. Говорит о реформаторском радикализме: “Нам сегодня нужны радикальные реформы для осуществления революционных преобразований”. И всё это для того, чтобы привести общество к “качественно новому состоянию”. Он пишет прямо: “Мы готовим массы к радикальным переменам”. В контексте знания последствий перестройки можно представить, какие перемены предполагались...

Спешка без чёткого целеполагания оправдывалась перспективой кризиса. Ускорение, но куда? В хаос грядущего стыдного десятилетия?..

Кстати, одной из примет кризиса он объявляет то, что “начало всё более проявляться отчуждение человека от всенародного достояния”. Что уж говорить о восприятии этих слов сейчас, когда само понятие “всенародное достояние” совсем ушло из обихода или используется для пиара и прочих декоративных целей...

“Только вперёд!” – вот его лозунг. Горбачёв настаивает, что сам социализм преисполнен революционным духом и динамикой, а значит, больше революционности, она естественна и вовсе не губительна для социализма.

Иногда создаётся впечатление, что перед нами полководец, который чертит стратегические планы на карте будущих боёв. Такова его реформаторская атака: “Разработав программу радикальной экономической реформы, мы тем самым создали развёрнутый фронт для наступления теперь уже по всем направлениям ускорения и углубления перестройки”. Или это мальчик на палочке верхом?..

Автор подспудно настаивает, что социализм – перманентная революция, без революционных встрясок и скачков он начинает стагнировать и катиться к кризису. Поэтому и перестройка естественна для страны, а вовсе это никакой не эксперимент. Горбачёв щедро проводит параллели с Лениным и с 1917 годом, хотя и замечает, что перестройку он не равняет с Октябрем, но при этом говорит о “новой революции”. Автор перестроечного манифеста пишет, что “нынешнюю революционную обстановку в стране” вполне заслуженно сравнивают “с обстановкой первых послеоктябрьских лет, со временем Великой Отечественной войны”. Сейчас-то мы понимаем, что сравнивать тут можно только по последствиям, к которым все эти события привели. Но тогда, в разгар перестройки, сравнивать её с годами гражданской или Великой Отечественной войны – как такое возможно? Брат пошёл на брата, на страну напал злейший враг? Или это банальная риторика, гиперболизация и преувеличение собственного значения?

Горбачёв дискутирует с мнением, что перестройка – это “революция сверху”. Эту очевидность он облепляет демагогией, лозунговостью и подводит к тому, что перед нами “одновременно революция “сверху” и “снизу””. Хоть и дала отмашку перестройке верхушка партии, но в ней были отражены “коренные перспективные интересы всех трудящихся”. То есть уже и верхи, и низы не хотят и не могут больше жить по-прежнему. Революционная ситуация налицо.

Социализм автор связывает не только с революционностью, но и с демократией. По его мнению, демократия – главнейшее свойство социализма. Как мы уже отметили выше, ею он заменил консерватизм, объявив его вне перестроечного закона. Перестройка как раз и призвана соединить социализм с демократией, поэтому “больше социализма, больше демократии”.

Какая цель всего, к чему автор планирует прийти? Он уходит от ответа на этот вопрос, который сам же себе и ставит: “Не в наших традициях заниматься пророчествами и пытаться предопределить все архитектурные элементы того общественного здания, которое мы возведём в процессе перестройки”. Оговаривается только, что впереди нас ждут “глубокое обновление” и “новые рубежи”. И на самом деле, как в русских сказках: иди туда – не знаю куда, но несись сломя голову, не думая ни о чём, что может кончиться плохо...

В итоге страна должна стать богаче и сильнее, а жить станет лучше, все же трудности на пути будут преодолены. Вообще на кон поставлено всё, и другой альтернативы нет (только “консервация застоя”). От перестройки зависят ни много ни мало судьбы мира. Соответственно, её архитектор – вершитель этих судеб.

По книге чувствуется, что Горбачёв примеряет к себе ленинские революционные лавры. Он видит себя великим реформатором и революционером.

Из соблюдения приличий напрямую не равняет себя с Лениным – создателем СССР, но о сошествии на себя ленинского духа непрозрачно намекает. Генсек также призывает “возродить живой дух ленинизма”. Ленин для него – особое прикрытие, форма, в которую он вкладывает собственное содержание, чтобы выдвигаемые идеи получили легитимность.

Все изменения мыслятся путём к созданию новой, качественно иной страны. Его подход сходен с реформаторством в религии: изначальная вера замутнена, искажена, ленинские заветы никто не помнит, поэтому необходимо вернуться к первоначальной чистоте и отторгнуть все искажения. Да и пыл, и азарт Горбачёва сродни не только революционному, но и религиозному. Он пишет *перестроечный завет*, который мыслится им глобальной формой *благих вестей* для всего мира.

Ощущение личного мессианства? Почему бы и нет... Хотя по факту он ближе к ересиарху.

К чему вёл в своём перестроечном радикализме Горбачёв? К ленинскому социализму, как это он говорил? К нэпу, к капитализму? Думается, что нет. Для него итог был вторичен. В его восприятии революционер становится в процессе революции, а к чему она приведёт – не суть и важно.

Несколько раз в своём *катехизисе перестройки* он говорит о нереальности сценария возврата к капитализму: “Невозможно, даже если бы кто и захотел повернуть Советский Союз к капитализму”. И впрямь страна была антикапиталистическим образованием, чтобы вернуться к этому строю, нужно было разрушить Союз.

В заключение своей “Перестройки” Горбачёв пишет, что “книга не закончена”, что “дописывать её надлежит работой”. Сейчас мы отлично знаем продолжение. Но тогда в своём перестроечном радикализме он стал заложником, сам попал в ловушку инерционного движения под откос. А вместе с ним и страна. Прокрутил барабан и медленно жмёт на курок. Пошли уступки, сплошные уступки, чтобы хоть как-то зацепиться за утопическую реальность, но она уже рассыпалась на глазах.

А между тем страна уже напевала вместе с группой “Мираж”: “Оставить стоит старый дом”, “Люди проснутся завтра, а нас уже нет”. Расползлась миражная реальность осколками утопических построений.